

13. **Троцкий, Л. Д.** История русской революции: в 2 т. / Л. Д. Троцкий. – Москва: Терра, 1997. – Т. 2, ч. 2. – 400 с.

14. **Троцкий, Л. Д.** Двоебезвластие / Л. Д. Троцкий // Революция 1917 года глазами современников: в 3 т. – Москва: Рос. полит. энцикл., 2017. – Т. 2. – С. 31–36.

УДК 947:340

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СМОЛЕНСКО-МОГИЛЕВСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА

Б. И. Сидоренко

Белорусский институт правоведения
г. Могилев, Беларусь

Формирование стабильного белорусско-русского порубежья, которое ныне выступает основой современной российско-белорусской государственной границы, относится к периоду «русско-литовских» войн конца XV – первой четверти XVI вв. (1500–1503, 1507–1508, 1512–1522 гг.) за «древнерусское наследство» между ВКЛ и Московским государством [1, с. 257–259]. Пиком этой борьбы в указанных хронологических рамках считается взятие войсками Василия III г. Смоленска летом 1514 г., после которого война вступила в вялотекущую фазу и стороны сели за стол переговоров. О том, как выглядела новая граница по историко-географической номенклатуре, породившая феномен «порубежья» и пойдет речь в данной статье.

В связи с этим особый интерес представляет «перемирная грамота» от 9 сентября 1522 г., составленная от имени короля Сигизмунда I и великого князя Василия III сроком на пять лет, поскольку она фиксировала пределы государственных владений обоих монархов, сохранявшихся с небольшими изменениями на протяжении целого столетия, и подвела итоги окончанию территориального приращения Московского государства на западе. На смоленско-могилевском участке рубежи выглядели следующим образом: «А рубеж городу Рославлю со Мстиславлем промеж Словнева да Шибнева к Гневкову Доброю речкою на Водонос, а от Водоноса Доброю же речкою в Острь, через Великий Бор в речку в Шумячу, къ Стрекуле, къ рубежу къ Кричевскому, а отъ Кричева городу Рославлю рубежь река Шумяча, а Шумячею въ реку въ Немелицу, а из Немелицы старымъ рубежомъ къ Заборью въ Ипуть в реку, да на низъ Ипутью къ Хмелю. Города Смоленска с путми и с волостми, что къ нему тянеть, и волостей: Еловца, Болваничь, Лазаревщины, Пустоселья, Романовского, Копоткович, Молохвы всее, что къ ней потягло, и Петровского держания Кутева и Зверовичь, Дубровенского пути, Катыни, Каспли, Поречья, Руды, Щучьи. А рубеж Смоленску и волостем Смоленским съ Дубровною, и съ Романовым, и зъ Гора-

ми, и со Мстиславом отъ Днепра ниже города Смоленска, речкою Мерею вверх, межъ Пречистые Взруба и Зверовичъ в Иваку реку, а изъ Иваки на Еленский рубежъ да в Городню, а Городню въ Вехру в Черный мох, а изъ Вехры в Прудилну, а изъ Прудилны въ Железницу, а Железницею подъ Дуденки въ Вехру, а изъ Вехры в Лютую воду, а изъ Лютой воды в Выпино, а изъ Выпина въ Сожь, а Сожомъ на низ в Березыню, а Березынею вверх сухомъ, промеж сел Почина и Гладкович, по холмомъ, а оттоле к Пулневу. А за рекою за Днепром рубеж Смоленску вниз по Днепру по реке ниже Климента святого пять версть» [2, с. 639–640]. По итогам сентябрьского перемирия 1522 г. вместе со Смоленском к Московскому государству отходила территория от Велижа на севере до Рославля на юге общей площадью 23 тыс. кв. верст.

Этот межгосударственный договор интересен тем, что сочетает в себе принципы административного размежевания, когда межгосударственное разграничение проводилось по внешним границам волостей ВКЛ и Московского государства с указанием городского центра волости, и территориального размежевания с обозначением топонимов и географических ориентиров определенной местности конкретной исторической области. Первый принцип широко применялся при размежевании, зафиксированном «перемирными грамотами» 1503 г. при заключении шестилетнего перемирия [3, р. 209–210] и 1508 г. при объявлении «вечного мира» [4, р. 125–128].

Практическая реализация четкой фиксации разграничительной линии по внешним границам волостей не приводила, да и не могла привести к положительным результатам. Границы волостей в период их формирования в конце X–XII вв. не были устойчивы. Они менялись в результате деятельности князей, усобиц, разделов и дележей территории. В ВКЛ в процессе формирования государственной территории в XIII–XV вв. границы также не отличались стабильностью в процессе передела земельной собственности тех князей Рюриковичей, чьи владения были включены в состав государства с помощью военной силы, земельных пожалований великих князей литовских и образования великокняжеского домена в восточной части государства.

Другой принцип разграничения по географическим ориентирам и топонимам также не способствовал четкому межгосударственному размежеванию. Он широко применялся при составлении уже приводимой «перемирной грамоты» 1522 г. и был вызван трудностями разграничения (после «смоленского взятия» 1514 г.) «по старине» и по тому, что к тому или иному населенному пункту «потягло». Так, на сентябрьских 1522 г. переговорах в Москве «послы говорили: Горы и Романов то не Смоленское из старины; а Хотславичи было Мстиславское, а не к Смоленску; ино те волости как писать к Смоленску? А Смоленску бы рубеж велел государь учинити полосмину; а волости бы Молохва, Щучья, Руда, Любавичи, Микулино, Поречье писати в королеву сторону.

И бояре им говорили: как вы говорите, ино так меж государей перемирью сстатись немочно, что Смоленску быти без волостей ...

И послы говорили: нам государь наш наказал, что нам Гор и Романова и Хотславич к Смоленску никак не поступите; а города и волости велел бы государь написать в перемирную грамоту по тому, как наперед того писаны в докончалной грамоте; а Смоленску бы государь велел рубежь учинити с королевыми города попригожу ...

И послы говорили, чтобъ рубежь Смоленску учинити река Мерея, ниже Смоленска да в Городню реку, а Городнею вверху къ Рославскому рубежу, а за рекою бы за Днепром рубежь учинити Березыня середняя; а Микулин бы и Любавичи въ королеву сторону, а Молохва к Смоленску.

И бояре им говорили, чтобъ рубежь учинити Смоленску Пречистая на Взруб, а за рекою бы за Днепром рубежь учинити Березыня дальняя за Клементием святым; а Микулин и Любавичи бояре у них отговаривали» [2, с. 633].

В результате теоретических манипуляций дипломатов, отсутствия четких разделительных ориентиров в практическом контроле приграничной администрации за разделительной линией, за этнически однородным комплементарным населением по обеим сторонам рубежей сложился феномен «порубежья», представлявшего межгосударственную буферную зону между ВКЛ и Московским государством из бывших древнерусских земель, разделенных политически, но сохранивших этнокультурное, конфессиональное и, по большей части, языковое единство при общей незавершенности этнических процессов.

Истоки такой комплементарности проистекают из длительного взаимодействия внутри- и внешнеполитических факторов, в результате которых образовались два народа – русские и белорусы. На порубежье, да и в масштабах своих государств, они не смогли до конца разделиться и остаются более близкими друг к другу, чем к жителям центральных районов своих государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кром, М. М.** Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. – 320 с.
2. Сборник Императорского Русского исторического общества: в 148 т. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (с 1487 по 1533 гг.) / Под ред. Г. Ф. Карпова. – Санкт-Петербург: Тип. Ф. Г. Елконского и Компании, 1882. – 869 с.
3. Lietuvos Metrika. Kniga 5 (1427–1506): Uzasymu knyga 5 / Parengė E. Banionis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1993. – 402 p.
4. Lietuvos Metrika. Kniga 8 (1499–1514): Uzasymu knyga 8 / Parengė A. Baliulis, R. Firkovicus, D. Antanavicius. – Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1995. – 708 p.

